

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

М.Ю. Тимофеев

БЕС/З КОММУНИЗМА: КРИЗИС ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (АНАЛИЗ СЕМИОТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Изучая процессы трансформации семиосферы коммунизма, проходившие в 1990-2000-х годах, невозможно не обратить внимание на то, что к началу второго десятилетия XXI века степень и характер присутствия знаков с коммунистической семантикой в разных странах существенно различаются [23, 24, 25, 26]. Спустя 20 лет после распада СССР и декоммунизации «соцлагеря» можно констатировать, что расставание с этой идеологией в России существенно отличалось от разрыва с ней в ряде бывших стран восточного блока и экс-советских республик. Собственно говоря, разлука с коммунистическим прошлым по большому счёту так и не состоялась, власть так и не смогла создать новой целостной идеологии. Непоследовательность, половинчатость действий по демонтажу коммунистической идеологии особенно заметна при сопоставлении России с большинством современных государств Восточной Европы, прошедших через искушение коммунизмом. В настоящей статье я сосредоточусь на отечественном опыте преодоления коммунистической идеологии в рамках наиболее распространенных и структурообразующих семиотических практик и сравнении их с процессами, проходившими в некоторых других посткоммунистических странах Восточной Европы.

В основе существования современного «коммунистического» текста культуры или семиосферы «коммунизма» лежат два фактора: во-первых, мощный пласт унаследованной материальной и духовной культуры, содержащий соответствующую семантику. Во-вторых, становится все более заметным постмодернистское обыгрывание знаков ушедшей идеологии в новых семиотических практиках. Так, в сфере знаков «коммунизма» можно выделить два уровня: 1) реликты — посткоммунистические знаки, указывающие на объекты материальной и духовной культуры, созданной в советское время и унаследованные современной культурой и 2) симулякры — поп-коммунистические знаки, создаваемые в настоящее время, имитирующие реальность времён социализма, указывающие на несуществующие реалии и конструирующие новую иллюзорную реальность [Подр. см.: 24, с. 224].

Шаг вперед, два шага назад

«Посмотрите на силу национальных эмблем. Какие-то звезды, лилии, леопарды, полумесяц, лев, орёл и другие фигуры, которые означают Бог знает что, нарисованные на развевающейся на ветру старой тряпке, прикрепленной к древку на крепости, на краю земли заставляют кипеть кровь у самых грубых и самых обычных внешне людей. Людям кажется, что они ненавидят поэзию, но все они поэты и мистики!»

Ральф Уолдо Эмерсон «Поэт»

Смена политических режимов неизбежно ведёт к борьбе с символами прошлого. Как показал опыт стран Восточной Европы, разрыв с коммунистическим прошлым часто сопровождался возвращением к символике предшествовавших социально-политических систем. Во всех бывших социалистических странах были заменены либо все, либо некоторые из официальных символов государства (герб, флаг и гимн). Неизменными остались флаги, которых не коснулся коммунистический рестайлинг (Венгрия, Польша и Чехия). Процедура утверждения новых вариантов в ряде случаев длилась довольно долго. Однако в начале 1990-х годов практически все государства обрели новые символы. Исключением являются государства бывшей Югославии, а также Латвия, где «Закон о гербе» был принят только в 1998 году, и Украина, гимн которой был утвержден только в 2003 году.

Ю. М. Лотман, обращаясь к феномену трансляции значений, писал, что «являясь важным механизмом памяти культуры, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного ее пласта в другой. Пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов в значительной мере берут на себя функцию механизмов единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты. Единство основного набора доминирующих символов и длительность их культурной жизни в значительной мере определяют национальные и ареальные границы культур» [12, с. 241]. Дискретность истории не препятствует процессу передачи констант и символов культуры [22, 42]. Обращение внимания исследователей к изучению феноменов разрыва, берущее начало, по-видимому, с М. Фуко [33], помогает понять механизм трансформации знаков и их значений в переходный период истории.

Россия в XX веке прошла через процедуру радикального переустройства семиосферы как минимум дважды [10]. Характер борьбы с политическим прошлым после Февральской и Октябрьской революций 1917 года [16] существенно отличался от

социально-политических действий новой российской власти в 1990-е годы. Пришедшие к власти осенью 1917 года большевики достаточно быстро и радикально заменили все прежние государственные символы новыми. После распада СССР в России стали использоваться знаки государственности (герб и флаг) Российской империи, гимном стала «Патриотическая песня» М. Глинки. Коррекция в символике произошла во время первого президентского срока В. Путина. В 2000 году федеральным конституционным законом «О государственном гимне Российской Федерации» в качестве мелодии гимна была утверждена музыка А. Александрова (бывший гимн СССР). 7 марта 2001 года в качестве официального гимна Российской Федерации был принят текст С. Михалкова — переработанный вариант 1944 года. Кроме того, с 1996 по 2007 год в России, согласно указу «О Знамени Победы», использовался символ Знамени Победы с золотой пятиконечной звездой, но без серпа и молота. Этот указ президента Б. Ельцина вызвал многочисленные протесты со стороны ветеранских организаций и был отменен президентом В. Путиным летом 2007 года. Во многом схожий возврат к советскому можно было наблюдать в Беларуси. После прихода к власти в республике Беларусь А. Лукашенко в 1994 году, были заменены государственные символы, принятые в республике после распада СССР (бело-красно-белый флаг и «Погоня» — бывший герб Великого Княжества Литовского, в состав которого входила Беларусь). 14 мая 1995 года на референдуме были утверждены флаг, герб и гимн, продолжающие традицию символики Белорусской ССР. Новая редакция гимна была принята в 2002 году. Музыкальная версия гимна БССР осталась неизменной, а в новом тексте были использованы фрагменты прежнего советского варианта.

В 1990-2000-е годы в ряде бывших республик СССР и во многих странах Восточной Европы были приняты законы о запрете использования коммунистической (советской) символики. Сразу после свержения коммунизма в 1989 году нацистские и коммунистические символы были запрещены в Венгрии. Запрет на использование гербов и гимнов СССР, изображений серпа и молота, красной звезды был введен в Латвии сразу после восстановления независимости в 1991 году. В 2003 году закон о собраниях, пикетах и шествиях был дополнен поправкой, запрещающей также демонстрировать стилизованные под эти символы изображения и предметы. В начале 2007 года парламент Эстонии одобрил поправки в Уголовный кодекс, касающиеся запрета использования в общественных местах советской и нацистской символики. Согласно законопроекту, в стране запрещается демонстрировать и продавать флаги, гербы и другие атрибуты, связанные с существованием СССР, союзных республик СССР и Коммунистической партии Советского Союза. А также символику Национал-социалистической партии Германии, войск СС или их явно узнаваемых фрагментов [39].

7 июня 2008 года парламент Литвы принял поправки к нескольким внутренним законам, которые регулируют реализацию свободы слова и свободы собраний, и ввел запрет на публичную демонстрацию символов СССР и нацистской Германии (флаги, гербы, и национальные гимны). Согласно поправкам, во время митингов и других массовых собраний, запрещено использование формы и знаков различия нацистских и коммунистических организаций, таких как свастика, красная звезда, серп и молот. Однако этот запрет не распространяется на политические партии, если они хотят использовать некоторые из этих символов в качестве их знаков [45].

В Польше поправки к Уголовному кодексу, запрещающие советскую символику наряду с фашистской, были приняты осенью 2009 года. Согласно им, демонстрация, приобретение и распространение предметов или записей, содержащих советскую символику, может повлечь за собой наказание в виде лишения свободы сроком до двух лет [48]. Это вызвало критику со стороны левых и либеральных сил, указывавших на недостатки документа, так как он не содержит списка запрещенных символов. Следует заметить, что действие закона не распространяется на коллекционеров и на использование символов в художественных и научных целях [49, 51, 52].

Попытки законодательного запрещения советской и коммунистической символики предпринимались и в ряде других стран (Украина, Молдова), но не были реализованы из-за политической конъюнктуры. В постсоветском пространстве российский вариант отношения к официальной символике государства не уникален, но весьма показателен, т.к. демонстрирует отсутствие непротиворечивого идеологического концепта.

Праздники, которые всегда с нами

«Грубин предложил мне отметить вместе ноябрьские торжества. Кажется, это было 60-летие Октябрьской революции.

Я сказал, что пить в этот день не буду. Слишком много чести.

А он и говорит:

— Не пить — это и будет слишком много чести. Почему же это именно сегодня вдруг не пить!»

Сергей Довлатов «Соло на ундервуде»

Помимо официальной символики важным инструментом идеологизации социальной жизни является изменение структуры праздничных дней календаря. Все страны бывшего соцлагеря и новые государства экс-СССР имеют свои дни независимости, являющиеся главными государственными праздниками [См.: 28]. Особенностью их выделения является то, что в ряде республик даты обретения

независимости связаны не с распадом СССР и декоммунизацией восточного блока, а с последствиями Первой мировой войны или Октябрьской революции 1917 года. Установленный в России в 1994 году День принятия декларации о государственном суверенитете России по своей семантике был аналогом Дня независимости, что негативно воспринималось не только сторонниками восстановления СССР. Ребрендинг государственной символики коснулся и этого праздника, получившего в 2001 году наименование Дня России.

На специфику идеологического дискурса в европейском ареале бывшего СССР недвусмысленно указывает локальное сохранение советских «красных дней календаря». Показательно, что день Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября) празднуется до настоящего времени только в Беларуси [См.: 28]. Указом президента России от 7 ноября 1996 года «О Дне согласия и примирения» прежнее название праздника («Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции») в целях «смягчения противостояния и примирения различных слоев российского общества» было изменено [См.: 9]. Полное и окончательное дезавуирование памяти Октябрьской революции было осуществлено в 2004 году. Процедура устранения праздника была запущена в сентябре и завершена внесением изменений в Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» 29 декабря того же года. Официальные источники утверждают, что идея празднования Дня народного единства была инициирована на заседании Межрелигиозного совета России, который объединяет лидеров православия, ислама, иудаизма и буддизма. Парадоксальным это решение представителей четырех конфессий выглядит из-за того, что только одна из них традиционно отмечает в этот день праздник в честь Казанской иконы Божией Матери, которая находилась во время освобождения Москвы в ополчении во главе с Кузьмой Мининым и князем Димитрием Пожарским. Совсем уж фантазмагорическим согласно принятым решениям стало наименование памятной даты, отмечаемой 7 ноября – «День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 год)» [См.: 32].

Продвижение нового праздника в массы в настоящее время не выглядит успешным. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2011 году представил данные о том, сколько россиян знают точное название праздника 4 ноября. Согласно опросу информированность о празднике возросла: «доля респондентов, которые не знают его названия, постепенно снижается (с 51% в 2009 году до 43% в текущем году). Однако его точное название (День народного единства) россияне могли вспомнить все реже (с 16 до 8%). Вместо этого, сограждане чаще стали называть его Днем единения (с 9 до 11% за

год). 8% ошибочно считают, что 4 ноября мы празднуем День независимости России, 4% — День согласия и примирения, 2% — День Конституции, 1% — День октябрьской революции» [35]. Так же исследование показало, что праздновать 4 ноября большинству россиян, как и прежде, несвойственно, однако в 2011 году таких респондентов стало меньше (с 66 до 54%). Отмечать праздник были намерены 34% опрошенных, еще 12% не решили, как проведут этот день. Все более распространенной стала традиция отмечать 4 ноября дома, за столом (с 6 до 11%) или ходить в гости (с 4 до 8%). Сравнительно немного тех, кто отмечает 4 ноября за городом (3%), в ресторане или клубе, в театре, в кино или на концерте (по 2%). Участие в праздничной демонстрации осталось выбором меньшинства (1%) [35]. В этом контексте уместно сослаться на З. Маха, писавшего о том, что создание новых ритуалов и их новых значений способно уничтожить старую символику, связанную с предыдущим порядком, при условии, что новая властная элита способна монополизировать символическую жизнь в стране через контроль над СМИ, правовой и репрессивной системой. Или же она может создать новые праздники в настолько привлекательной идеологической или символической форме, что старые прекратят быть опасной альтернативой. Если новые и старые государственные ритуалы выпадают на различные дни, то результатом становится двойная символическая жизнь старого и нового. В этом случае различные группы отмечают разные праздники: сторонники нового порядка участвуют в государственных ритуалах, в то время как его противники придерживаются старых, или те же самые люди принимают участие в обоих, что часто случается в репрессивных государствах, где участие в государственных ритуалах является обязательным [46, С.107—108].

Идеологизация календаря — это, пожалуй, самый успешный в современной России антикоммунистический проект власти. Значимость его не столь велика из-за того, что в СССР коммунистические праздники отнюдь не были самыми любимыми у широких народных масс.

Перекрестки пространства и времени

«Просто я живу на улице Ленина
И меня зарубает время от времени.
Просто я живу на улице Ленина
И меня зарубает время от времени»
Фёдор Чистяков «Улица Ленина»

Еще до распада СССР и своей страны югославский кинорежиссер Д. Макавеев в одном из интервью сказал, что живет в Белграде на углу бульвара Ленина и улицы Джона Кеннеди [13]. Подобный симбиоз в нашей стране тогда был немислим, да и сейчас он воспринимается не вполне обыденно. Далее я остановлюсь на городских наименованиях,

обозначаемых в ономастике термином урбанонимы. Они включают годонимы (названия улиц, переулков, проспектов, набережных и других линейных объектов), агоронимы (названия площадей). Кроме этого к ним относятся астионимы (обозначения собственного имени городов), а также эмпоронимы (наименования торговых объектов) и эргонимы (названия деловых объединений людей, в том числе союзов, организаций, учреждений, корпораций, предприятий, обществ) [20, с. 39, 50—51, 166.].

Топонимический пласт советского текста до настоящего времени является структурообразующим для многих городов. Современная российская номиносфера — часть семиосферы, включающая важные для поддержания ее системной целостности наименования — характеризуется отсутствием системности. Это обусловлено размытостью политического дискурса, несформулированностью идеологического концепта. Символические действия власти во многом определяют существование конкурирующих дискурсивных практик в отношении советских названий. Борьба за право наименования идёт практически непрерывно, однако принятые решения в течение последнего десятилетия достаточно малочисленны и в основном происходят на локальном (городском) уровне.

Знаки советскости до настоящего времени широко представлены в астионимии. После волны переименований 1990-х годов значительное количество населённых пунктов РФ сохранило советские названия [11]. Процесс трансформации топосферы тесно связан с изменением героического пантеона [29]. Его формирование при утверждении коммунистических режимов сопровождалось целенаправленной идеологической маркировкой социокультурного пространства, изменением огромного числа топонимов [См.: 16, 32, 38]. В результате этих действий возникла гиперидеологизированная номиносфера, иногда доходившая до абсурда (например, Ленинградский ордена Ленина метрополитен им. В. И. Ленина [40, с. 400]).

Забвение коммунистических героев в идеологических практиках присутствует практически повсеместно в посткоммунистическом пространстве Европы. Исключение составляет Беларусь (с 1995 года по настоящее время). Декоммунизация героического пантеона влечёт за собой трансформацию маркировки пространства, масштабные изменения как макро, так и микротопонимов. В России большое количество топонимов было изменено в годы перестройки. Экономическая ситуация 1990-х годов не

способствовала процессу новых переименований. Множество мелких населенных пунктов и ряд областных центров (*Калининград, Киров, Ульяновск*) и до настоящего времени продолжают носить советские названия. В ряде случаев советскость названий могут идентифицировать только местные жители и специалисты по топонимике (*Волгоград, Иваново, Краснодар, Новосибирск*).

В последние годы среди сторонников возвращения прежних досоветских названий важную роль играют представители духовенства, а так же некоторые местные политические лидеры различной партийной принадлежности. Население чаще всего достаточно пассивно реагирует на намерение властей изменить название города. Так в 2008 году на референдуме большинство жителей Ульяновска высказалось против возвращения городу прежнего имени, а в 2011 году новый мэр города солидаризировался с этим волеизъявлением [4, 14]. Однако будирование общественного мнения по проблеме переименования продолжается в Кирове [1] и Иваново [18].

За редким исключением сравнительно немногочисленные топонимы с коммунистической семантикой быстро исчезли с карты Восточной Европы. В Болгарии Михайловград (1945) стал городом Монтана (1992), Толбухин (1949) — Добричем (1991), в Чехии Готвальдов (1949) — Злином (1990), в Германии Карл-Маркс-Штадту (1953) вернули прежнее название Хемниц (1990), в Эстонии Кингисепп (1952) вновь стал Курессааре (1988), на Украине город Готвальд (1976) вернул себе историческое название Змиёв (1990).

Богатая история украинских переименований, пожалуй, уступает только российской. Так город Алчевск дважды за советскую историю менял свое имя — Ворошиловск (1931—1961) и Коммунарск (1961—1992). Елизаветград в 1924 году стал Зиновьевском, в 1934 — Кирово, в 1939 году Кировоградом. Луганск дважды в XX веке становился Ворошиловградом (1938 и 1970) и столько же раз возвращал свое название (1958, 1990). Как и в России, экономические проблемы Украины не позволили довести процесс переименований до конца. В 2009 году в связи с приближением 20-й годовщины провозглашения независимости республики представители Блока Юлии Тимошенко выступили с инициативой переименования ряда городов и областей Украины. С карты страны предлагалось убрать все советские названия. В случае принятия закона появились бы города Каменск вместо Днепродзержинска, Бирзула вместо Котовска, Чистяково вместо Тореза, Елисаветград вместо Кировограда. Исчезли бы имена населенных пунктов, названных в честь деятелей коммунистического режима — Артема, Кирова, Димитрова, Орджоникидзе, Свердлова, Щорса и ряда других. Получили бы новые имена города Красноармейск и Первомайск [15].

Ещё большее присутствие реликтов советскости можно наблюдать на уровне топонимии [27]. Они в разной мере встречаются практически во всех населенных пунктах России, Украины и Беларуси. В Петербурге по сей день существуют улицы Большевиков, Передовиков и Чекистов, Восстания и Коммуны, проспекты Энгельса, Ударников, Стачек, Ленинский и Советский, а так же одиннадцать Советских улиц и площадь Пролетарской Диктатуры перед Смольным.

Следует признать, что урбанонимы наиболее доступны для сознательного воздействия на них государства, что обусловлено как типом обозначаемых реалий (общественно значимое пространство), так и историко-культурными факторами номинации. Именно поэтому государственная власть часто рассматривает топонимию и агортонию как инструмент своей внешней и внутренней политики. Реакция общественности чаще всего возникает постфактум [19]. В 2009 году бурно обсуждалось решение о переименовании Большой Коммунистической улицы в Москве [3]. Она получила имя Солженицына с нарушением законодательства, запрещающего называть улицы именами людей ранее десяти лет после их смерти [8].

Сдерживающим переименования фактором являются и финансовые проблемы. Так в 2004 году переименование ряда центральных улиц в Белгороде обошлось городской казне почти в полтора миллиона рублей. В результате этой единовременной акции было изменены названия около 20 улиц, площадей и переулков. Историческое название было возвращено только Соборной площади, другие объекты получили новые названия. Так, проспект Ленина стал Гражданским, Коммунистическая улица — Преображенской, улица Воровского — князя Трубецкого [2]. Анализ постановления главы местного самоуправления Белгорода В. Потрясаева по переименованию улиц городского центра дает основание говорить о непродуманности этого решения, хотя в нем и дается ссылка на предложения Экспертного совета при администрации города [21].

Известный специалист в области топонимики Т. Шмелева выделила шесть сценариев соотношения новых/старых и советских топонимов: 1) сохранение, 2) ликвидация, 3) в случае переименования, присутствие прежнего советского названия в повседневных практиках горожан, 4) дифференцированное сосуществование, когда на адресных табличках дается несколько исторических названий, 5) компромисс в виде соединения двух названий, 6) переосмысление, когда меняется семантика советского названия [36]. Выбор стратегии и тактики отношений с прошлым в топонимии остается

чаще всего за власть. Иногда это приводит к довольно анекдотичным последствиям, как, например, компромиссное решение в Великом Новгороде, приведшее к появлению улицы Джалиля-Духовская и площади Софийская-Победы [30]. В Твери незавершенность переименований привела к тому, что здание городской администрации расположено на площади Ленина, находящейся на пересечении улиц Трехсвятской и Советской (бывшей Миллионной). Перечень нелепых сочетаний весьма велик. Например, очень странно выглядит синтагма адреса и адресата некоторых епархиальных управлений, соборов и монастырей. Так в Новосибирске епархиальное управление находится на улице Советской, а в Краснодаре — на Ленина (однако в официальных церковных документах адрес пишется как «Соборная (Ленина)»). Впрочем, и епархии в некоторых городах, сохранивших советские названия, именуется по-старому (Вятская, Екатеринодарская, Иваново-Вознесенская, Симбирская).

Устранение идеологически маркированных микротопонимов осуществлялось на рубеже 1980-90-х годов масштабно. Так в Москве к концу 1993 года были изменены названия 152 улиц [41, с. 483], в Бухаресте в 1990—1997 годах 288 [43, с. 160], в Берлине — 80 [37, с. 484]. В Будапеште между 1985 и 2001 годами появилось 1094 новых названий улиц, из которых 448 использовались раньше (в конце XIX века и в межвоенный период) [47]. Польский историк Р. Стобецкий указывает, что в Лодзи было изменено название более трехсот топонимов. Исчезли улицы Армии Людовой (AL), Польского комитета национального освобождения (PCNL) и Союза польской молодежи (ZMP). От своеобразной формы остракизма пострадали названия исторических улиц и площадей, посвященных активистам международного коммунистического движения (К. Либкнехту, Р. Люксембург, Э. Тельману) и те наименования, которые были связаны с СССР (улицы Красной Армии, защитников Сталинграда) [50].

Если в странах бывшего советского блока и в Прибалтике декоммунизация топонимов уже завершённый процесс, то в других странах постсоветского пространства, в частности в России, он продолжается и носит скорее спорадический характер [24]. Так в начале 2011 года улица Боевиков в городе Иваново получила имя Якова Гарелина — одного из первых городских глав, фабриканта и краеведа. Первоначально обнародованная инициатива включала переименование и шести

Лагерных улиц, что сделано не было [6].

Реликтовые знаки советскости в некоторых эргонимах — названиях предприятий, известных в течение многих десятилетий, все чаще воспринимаются без учета их идеологической семантики (кондитерские фабрики «Ударница», «Красный Октябрь», швейная фабрика «Большевичка», станкостроительный завод «Красный пролетарий» и многие другие). Старые названия, имеющие недвусмысленную советскую коннотацию, по сей день присутствуют в названиях гостиниц, ресторанов и кафе, кинотеатров, домов культуры и т.п. Отсутствие приоритетов по отношению к идеологически маркированному символическому пространству в современной России создает условия не только для борьбы советского и антисоветского, но и для симулятивного конструирования псевдосоветского [Подр. см.: 23, 24]. При этом семантика аутентичного, реликтового советского на структурно-субстратном уровне семиотической системы в определенной степени утрачивается. Концептуальное обыгрывание советской символики не означает актуализацию идеологической семантики знаков. У семиосферы симулятивной советскости есть референт, но уже нет денотата. В отсутствие идеологического концепта, осколки советской системы обретают новые утилитарно-прагматические смыслы или просто теряют всякий смысл.

Идеологическая парадигма современной России эклектична. Прихотливый мезальянс имперского, православного, советского и антисоветского дискурсов в рамках «суверенной демократии» [См.: 17, 34] лишён концепта. Нельзя не согласиться с Б. Дубовым в том, что власти для формирования новой идеологии в начале 1990-х «ничего разумного предложить обществу в таком его состоянии не смогли или не захотели» [7]. Симбиоз российского и советского, конструирование которого началось ещё в конце 1930-х годов, демонстрирует свою жизнеспособность, и тот факт, что в 2008 году в телевизионном проекте «Имя Россия» Сталин занял третье место, за считанные дни до конца голосования пропустив впереди себя Александра Невского и П. А. Столыпина [24] лишний раз свидетельствует о значимости коммунистических маркеров в массовом сознании.

Анализируя современные меморативные практики в городской среде, С. Ушакин отмечает, что «воображаемая или физическая гомогенизация пространства, своеобразная «зачистка» городской среды становится едва ли не основным способом реорганизации истории: на смену утопическому советскому будущему пришло утопическое

постсоветское прошлое» [31, с. 12—14]. В значительной степени акты иконоклазма остались в прошлом. Не рассмотренная в данной статье борьба с коммунистическими монументами [Подр. см.: 25, 26] в последние годы стала носить вполне амбивалентный характер. Частично памятники перемещаются в музейное гетто, некоторые периодически подвергаются актам вандализма, большая же их часть продолжает занимать своё место на улицах и площадях российских городов.

Отношение к коммунизму со стороны власти в современной России, объективируемое в символических практиках, не играет сколь либо важную роль в политической жизни страны, выступая лишь своеобразным индикатором несбалансированности идеологического дискурса. Споры об уместности существования усыпальницы коммунистического лидера на Красной площади в Москве то утихают, то разгораются вновь. Золотые кресты на кремлёвских храмах отражаются в рубиновых звёздах башен, создавая сколь узнаваемую, столь и противоречивую визуальную визитную карточку России.

Список литературы и источников

1. Андреев А. Никита Белых: Переименование Кирова в Вятку не будет стоить бюджету ничего. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/02/16/reg-privolzhje/belyh-vyatka-anons.html> (дата обращения 20.02.2012)
2. Битюгин К. Политика опрокинула прошлое. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bitugin.narod.ru/statyi/history/pereimen.htm> (дата обращения 13.01.2012)
3. Большая Коммунистическая переименована в улицу Солженицына. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.grani.ru/Society/m.144821.html> (дата обращения 17.02.2012)
4. Большинство жителей Ульяновска высказалось против возвращения городу прежнего имени. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://volga.rian.ru/society/20080415/81651037.html> (дата обращения 23.12.2011)
5. Голомидова М. В. Вербальные символы СССР в современной коммерческой номинации // Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2 т. / [отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова]. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. — (Труды Уральского МИОНа; Вып. 21). — С. 332—348.
6. Гостей Иванова пугают Лагерные улицы и улица Боевиков. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.chastnik.ru/2010/11/16/218013/> (дата обращения 18.11.2010)
7. Дубин Б. Символы возврата вместо символов перемен // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 5. — С. 6—22.
8. Жители Большой Коммунистической улицы против переименования ее в улицу Солженицына. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2008-12-08/2_Soljenicyn.html (дата обращения 13.12.2008)
9. Какие праздники мы отмечаем // Отечественные записки. 2003. № 1. — С. 161—163.
10. Колоницкий Б. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 г. — СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2001. — 350 с.

11. Лаппо Г. М. Топонимические размышления геоурбаниста. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://geo.1september.ru/2004/24/11.htm> (дата обращения 11.12.2011)
12. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб: Искусство — СПб., 2000. — С. 240—249.
13. Макавеев Д. Я живу на углу бульвара Ленина и улицы Джона Кеннеди: Интервью // Искусство кино. 1990. № 3. — С. 148—154.
14. Мэр Ульяновска против возвращения городу прежнего названия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/01/23/n_1668634.shtml (дата обращения 25.01.2011)
15. На Украине хотят переименовать 25 городов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=289722&cid=9> (дата обращения 02.01.2012)
16. Никитин С. Революция и география // Отечественные записки. 2003. Февр. — март. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?article=498&numid=11> (дата обращения 25.11.2011)
17. Пастухов В. Реставрация вместо реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию. — М.: ОГИ, 2012. — 527 с.
18. Переименование Иванова обсуждают снова. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ixx.ru/news/2010/12/06/news_3548.html (дата обращения 09.12.2010)
19. Подберезкина Л. З. Языковая политика в топонимии: каким должно быть имя новой улицы? (на материале социологических опросов красноярцев) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. Декабрь. (Т. 2, приложение). — С. 87—96.
20. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская. 2-е изд. М.: Наука, 1988. — 192 с.
21. Постановление администрации города Белгорода от 01.07.2004 № 149 «О переименовании улиц исторического центра города Белгорода». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cfo-info.com/okrug13e/rajonfs/read7fabfda.htm> (дата обращения 28.10.2010)
22. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. — М.: Академический проект, 1997. — 824 с.
23. Тимофеев М. «Советские» наименования в современной России: меморативные практики в городской среде // Пути России. Историзация социального опыта. Т. XVIII. — М.: НЛЮ, 2011. (в печати)
24. Тимофеев М. Знаки «советскости» в современной России: семантика, синтактика и прагматика // Studia Sovietica. Выпуск 2 / Відпов. ред. В. Хархун. — К.: Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України, 2011. — С. 223—231.
25. Тимофеев М. Ю. Коммунизм как аттракцион: семантические игры с прошлым // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Т. 3. Вып. 1. (в печати)
26. Тимофеев М. Коммунистические символы на «свалке истории»? // Symbol w polityce. — Тогуń, 2012. (готовится к изданию)
27. Тимофеев М. Самый советский город: архитектура и топонимия города Иванова (Россия) // Miasta Nowych Ludzi: architektoniczna i urbanistyczna spuścizna komunizmu / Z. Grębecka, J. Sadowski (red.). Oboz. 2007. № 49. Т. II. — S. 147—157.
28. Тимофеев М. Ю. Национализация календаря в постсоветском пространстве // Вестник Ивановского университета. 2008. № 3. — С. 113—118.
29. Тимофеев М. Ю. Нацисфера: Опыт анализа семиосферы наций. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. — 279 с.: 45 ил.

30. Улицы Великого Новгорода — это не городская мемориальная доска. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1200129.html> (дата обращения 05.09.2011)
31. Ушакин С. Отстраивая историю: советское прошлое сегодня // Неприкосновенный запас. 2011. (6) № 80. — С. 10—16.
32. Федеральный закон от 29.12.2004 № 200-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона "О днях воинской славы (победных днях) России». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.referent.ru/1/68602> (дата обращения 30.06.2011)
33. Фуко М. Археология знания. — К.: Ника-Центр, 1996. — 208 с.
34. Чадаев А. Путин. Его идеология. — М.: Европа, 2006. — 232 с.
35. Четвертое ноября: праздник под знаком вопроса. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112077> (дата обращения 01.02.2012)
36. Шмелева Т. В. Советские имена улиц в современном городе // Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2 т. / Отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 2. — С. 322—321.
37. Azaryahu M. German reunification and the politics of street names: The case of East Berlin // Political Geography. 1997. № 16. Pp. 479—493.
38. Azaryahu M. Von Wilhelmplatz zu Thälmannplatz. Politische Symbole im öffentlichen Leben der DDR. 1945-1986. — Gerlingen: Bleicher, 1991. — 214 s.
39. Estonian to ban display of Nazi and Soviet symbols. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.worldsecuritynetwork.com/showArticle3.cfm?article_id=13743 (дата обращения 17.10.2011)
40. Faryno J. Эмблемы СССР // Идеи в России = Ideas in Russia = Idee w Rosji: Leksykon rosyjsko-polsko-angielski: W 5 t. / Pod red. A. de Lazari. — Łódź: Ibidem, 1999. Т. 2. — S. 400.
41. Gill G. Changing symbols: The renovation of Moscow place names // Russian Review. 2005. Vol. 64. Issue 3. Pp. 480—503.
42. Hellberg-Hirn E. Soil and Soul: the Symbolic World of Russianness. — Aldershot: Ashgate, 1998. — 289 p.
43. Light D. Street names in Bucharest, 1990–1997: Exploring the modern historical geographies of postsocialist change // Journal of Historical Geography. 2004. № 30. Pp. 154—172.
44. Light D., Nicolae I., Suditu B. Toponymy and the Communist city: Street names in Bucharest, 1948 – 1965 // GeoJournal. 2002. Vol. 56. Issue: 2. Pp. 135—144.
45. Lithuania: Ban on Nazi and Soviet Symbols. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.loc.gov/lawweb/servlet/lloc_news?disp3_l20540487_text (дата обращения 12.02.2012)
46. Mach Z. Symbols, conflict, and identity. Essays in political anthropology. — Albany: State University of New York Press. 1993. — xii, 297 p.
47. Palonen E. The city-text in post-communist Budapest: street names, memorials, and the politics of commemoration // Geojournal. 2008. Vol. 73. № 3. Pp. 219—230.
48. Pilawski K. Paragraf Tuska i Kaczyńskich. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.przegląd-tygodnik.pl/pl/arttykul/paragraf-tuska-kaczynskich> (дата обращения 19.01.2012)
49. Sejm: Zakaz rozpowszechniania symboli komunistycznych. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lewica.pl/?id=20099> (дата обращения 07.02.2012)
50. Stobiecki R. Łódzkie «boje o historię» // Tygiel Kultury. 1998. № 4–5. — S. 90—95.
51. ТК: nie można karać za symbole komunizmu. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wprost.pl/ar/254036/TK-nie-mozna-karac-za-symbolle-komunizmu/> (дата обращения 03.02.2012)

52. Za koszulki z Che dwa lata. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rp.pl/arttykul/61229,493643-Za-koszulki-z-Che-dwa-lata.html> (дата обращения 11.01.2012)

* *Фотографии из архива автора.*

О. Надскакула

ПУТИ И БЕСПУТЬЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕРПИМОСТИ

Современные глобализационные процессы, культурная и мировоззренческая диффузия всё чаще подчёркивают значение толерантности. Как в теории, так и в общественной практике, терпимость может помочь избежать конфликтов, возникающих в связи с защитой религиозных убеждений. Надо подчеркнуть, что попытка понимания других традиций, знакомство с иными обычаями становится первым и необходимым шагом к противодействию последствиям «столкновения цивилизаций», описанного С. Хантингтоном [2]. Шаг этот надлежит сделать не только политикам и власть предержащим, но также и множеству простых обывателей, открытость которых «иному» поможет победить предубеждения и нетерпимость.

Преимущества терпимости — это вызов для современных церквей и религиозных организаций, которые по своей природе стремятся претворять в жизнь только то, что является истинным исключительно для них, и отклоняют все, что препятствует распространять исповедуемые ими ценности. Следует добавить, что любая религия была и остается на сегодняшний день не только средством духовного возрождения общества, но и дает возможность для различения «своих» и «чужих» и, следовательно, для роста авторитета собственной конфессии и снисхождения к другим.

О проблеме трудности проявления терпимости писал П. Рикёр. Он утверждал, что путь терпимости — это путь постепенной инициации, которая пересекается с проблематикой конфронтации между религиями на самом высоком уровне фундаментальных убеждений. «На нулевом уровне терпимость говорит: *я не переношу того, во что вы верите, осуждаю это, но не могу вам мешать.* На следующем, более позитивном уровне говорит: *я уверен в том, что только я прав, но из вежливости позволяю вам проповедовать то, что считаю ложью. Делаю это во имя справедливости.* На этом этапе я чувствую раздвоенность между истиной, которой я владею и справедливостью, которая является признанием *другого*, но на ином, чем истина, уровне.